

Утро

Природа ласкова. Её не надо злить.
Сварог соединён с ядром, Перун с громами.
И Макошь, что с Большой Медведицей домами
Всю ночь общалась, разрешила быть.

Дозволено мне сбить росу ногами.
Рукой крыльца коснуться. Взглядом—роз.
И быть внимательным к перемещенью ос.
Я равен им. Но вечность между нами.

● ● ●
Когда уйдут последние знакомые,
Заметишь, что за окнами—бело.
Там снег парил, пока кричали в комнате
И мыслями скрипели тяжело.
Там падал снег, так тихо падал, бережно
На голый тротуар и фонари,
Что не узнать ни улицы теперешней,
Ни воздуха, где этот снег парил.
Когда уйдут последние знакомые,
Вздохнёт дорога, заровняет след.
И медленные кавалькады конные
Гравёр введёт в серебряный браслет.

Империя во мне

Слепая мышь—глухая ночь—слепая мышь.
Она скребёт, она шуршит. Ты—говоришь.
Она ползёт, она бежит, она везде.
Ты не поёшь, ты не кричишь, и быть беде!

Империя мышей—страна жулья.
На страже рубежей судьба моя.
Империя побед—Нева в огне.
Империя во мне.

Слепая ночь—глухая мышь—слепая ночь.
Рассвет скребёт, рассвет шуршит. Тебе невмочь.
Но он ползёт, но он бежит, он будет здесь.
И ты хрипишь, ещё во сне, распластан весь.

Империя ночей—страна моя.
Я помню этот бред, где жил и я.
Империя побед. Нева в огне.
Империя во мне.

● ● ●
Один человек живёт в комнате.
Другой живёт в космосе.

Им встречаться совсем не обязательно.
Оба проявляют обаяние.

Оба неизменно жизнелюбые.
В семьях, правда, невозможно грубые.

Оба ходят в ад на совещания.
И расшатывают наше мироздание.

Да и как же его не расшатывать—
Комнату из космоса упрятывать?

Космосом за плинтусом проскальзывать.
И считать свою работу базовой.

Два нормальных типчика из Купчина,
Из трамвая сорок третьего кипучего.

● ● ●
Современник, оставь затянуться
Героической жизнью твоей.
От удушья бы мне не загнуться—
Нет сигары вонючей и злей.

Значит, впрямь твоя жизнь героична.
Да и сам ты железный какой:
Как в обойму ты входишь отлично.
Подвигайся к бойку головой.

● ● ●
Соловьиные деревья.
Одинокие огни.
На реке, пустой и древней,
Вой и щебет мелкотни.
Человек большой не нужен.
Он горюет на камнях
Уводы тугой и дружной,
Весь в рыданиях и соплях.
От желаний неподвижен,
Злой и добрый ко всему,
Бьёт, Хозяином обижен,
Комаров по одному.

Воспоминание

Звякнул колокол. Отвечая,
Прогудел паровоз. И привет
Мне послали трава луговая,
Запах пива и дальний буфет.

И когда вдалеке домишки
Убежали и дыма след
Начал таять, вдруг кто-то вышел
Из меня за тем дымом вслед.

Рядом нет никого, даже эха.
Даже эха, едрит твою мать.
Эх, не выехать тут и не въехать.
Надо пальцы беззвучно ломать.

Хорошо как. Собой заполняю
Горизонты, миры и вовне.
Хороша моя жизнь неземная!
И медуза крадётся ко мне.

Заходи, дорогая соседка!
Помолчим и неслышно споём.
Мы с тобою встречаемся редко:
Я в морях не бываю. Приём.

Мендельсон

Посвящается Когану

Объявили Мендельсона.
Краем уха скрипку пью.
Телевизора корону
Приравнял давно к репью.
Я в себе копаюсь. Лажу
В проводах. Настройки жду.
Что-то нынче здесь не кажут...
Как же нынче плохо тут...
Кто-то тычет в схему пальцем.
Кто-то дышит в унисон.
Постепенно... в ритме вальса...
Здравствуй, дядя Мендельсон!..

Родные, злые, удалые—
Отцы как дети. Их снесло.
И рубит шеи трудовые
Эпохи новое число.

Их жизни длились так недолго,
И на поверхности Земли
Они не рассказали толком,
Какое поле перешли.

Они отстали. Тонут, тонут!
Полны отчаянья глаза.
Уж не догонят, не догонят.
И ветер гасит голоса.

Сцепи, будто пальцы, две местности, близких тебе,—
И ты убедишься: о да—существуют пространства,
Чьи дали ногам и глазам не дадут ослабеть,
Как рифма стиху, где не надо иного убранства.
Широкое тело травы ненасытно в любви
К равнинам, холмам, обнимая их в каждом захвате.
Вот так бы и мне уцепиться за чёрную землю равнин.
Вот так бы и мне наливатся и зреть от объятий.
Какие слова говорит ей репейник сухой?
Каким шепотком, придыханьем волнуется мята?
И в речи полыни зачем столько горечи злой?
И чем так напуган всегда подорожник распятый?
Я нем, как валун, в этом многоголосье и тьме,
Я вижу рожденье и тлен, так отчётливо вижу,
Что кажется жизнь сновиденьем в воздушной тюрьме.
Но я возвращусь. И тогда я траву не обижу.

История средних веков

На полстраницы царство затянулось,
Для герцогства— три жалкие строки.
И нет нигде— она в слезах проснулась,
И снова нет— не подала руки.
Нигде, нигде— твой взгляд угрюм и светел.
Ты мне и не звони, и не пиши.
Тебя в Месопотамии заметил
Наложницей какого-то паши.
Твой взгляд угрюм и светел. Запылили
Полмира низкорослые коньки.
Гора голов. Мозг ноет от усилий
Понять, простить. Не подала руки.
Так вот зачем сползают государства
По оползням сферической Земли.
Верней, вернее направляй удар свой
И у меня пощады не моли.

Родные

Часы шумят, как наводнение,
И топят, топят мой народ.
И я, в последнем поколеньи,
Надёжный, мол, волноотвод.

За мною двое-трое сирых
Доверившихся мне ребят.
Часы шумят, теряя силу.
И шага вспять мне не простят.

Мне не простят ни лжи, ни злобы.
И двое-трое сирых тех
Так преданно взирают, в оба,
И так их беззаботен смех,

И так тоска их пробирает,
Чуть отвернись, не догляди,
Что помнит буду, умирая,
Лишь их, у сердца, у груди.

Новая Ладога

Меня ветер преследует, как чужеземца,
В этой плоской стране под названием Русь.
Что за холод собачий гуляет у сердца!
Так знобит, что до Азии не доберусь.
Лишь сегодня я понял, что жил эмигрантом
В окаянной и злой европейской стране.
И в чужое окно с бесполётным талантом
Я пытался проникнуть. И врезали мне.
Что за глаз безошибочный, слух родовитый!
Или Калка привиделась? Топот возник?
В табунах Керулена, в халате расшитом,
Не влетел на скаку я в ленивый язык.
И рождению на самом краю континента
Не ищущ оправдания. Я сам. Я большой.
И живу, как народ, в ожиданье момента
Равноправья с моей азиатской душой.

Энергия коленчатого вала!
Стон ротора! Восторги шагуна!
Как будто из бездонного провала
Выносит механизмов имена.
Выносит в масле и объединённо
Для действия, которому предел
Не установлен. Ширится колонна,
Орда ли, лава? Совершенство тел.
Не потесниться. Разве только сжиться.
Принять, как птиц, оленей и траву,
Триодов тьму, ракетные столицы.
Согреть душой, как мёртвую Неву,
Как мёртвые мосты, закаты, грозы,
Как клеточки древесного листа.
Согреть душою все метаморфозы,
Хоть в них никто не смыслит ни черта.

Рассвет

Люди спят как птицы,
Спрятав голову в крыло.
От судьбы упрятав лица.
Бедные, о, как вам спится?
Ведь за окнами светло.

Так светло, и так туманно,
И безлюдно страшно так,
Будто метит окаянный
Век отчаянных рубак.

Закрывайте плотно шторы,
Чтобы было так темно,
Как бывает в разговоре,
Опускающем на дно.

Чтоб не смел рассвет безносый,
Чтоб не смел он, чтоб не смел!..
В пене к Господу выносит
Лица, белые как мел.

Воспитательной силой примера
Увлекались в иные века
Даже звери. И мама-пантера
Есть живое учила сына.
От усталости нет исцеленья.
Санитары природы—везде.
Хищный знак твоего избавленья
Уж проснулся в каком-то гнезде.
Приласкать эту землю по шерсти—
Замурлыкает, спрячет клыки.
Врежь же ядом наполненный перстень
Ей в загривок с обратной руки!
По проторенным кем-то дорожкам
Бродит совесть, слепая сестра.
Что ты стонешь, глухая зубрёжка?
Ночь на свете. Не видно утра.

Птица крикнет: «Спать пора!»
Не шути со мною, птица.
От заката до утра
Может всякое случиться.
От русалочьих волос,
Бёдер тускло-серебристых
Закипит туманный плёс,
Как садок иллюзиониста.
Скажет старшая сестра
Рыжей, русой, чёрной стаи:
«Всё игра, князь, всё игра
В тех, кого мы выбираем!»
Будет младшая тиха,
Будут средние лукавы...
У полночного стиха
Шаг от страсти до забавы.

Ветер

Ветер марлю отдувает,
Нападает широко.
Это—песенка прямая,
Вкус и цвет—как молоко.

Ветер глухо завывает
И в распадах лес валит.
Это—песенка кривая,
Вкуса соли и обид.

Наступают волны ветра.
Я как выщербленный весь
От его тугих пометок.
Всюду мы: то там, то здесь—

Мы сшибаемся с упорством
По горам, полям, лесам!
Нет конца противоборству,
Нашим с ветром голосам.

Прощание с Дальним Востоком

Пора прощаться. Навсегда. Навеки.
Зверёныш неприрученный—тайга!
Провой мне песню, ту, что воют реки.
Проголоси, как голоса снега.
Я не вернусь, хоть по живому режу.
Я не вернусь. Никто меня не ждёт.
На пепелище памяти повешусь.
Мне нечем жить. Мне плохо месяц. Год.
Столетье плохо мне! Не докричишься
До детства и до матери в земле,
И безнадёжна, как любовь мальчишья,
Тоска по прежней и чужой семье.
Но ты, Восток! Хребты твои литые,
Багул и мари, сопки и ключи,
Твои дома, до брёвнышка святые,
Глухих посёлков огоньки простые,—
Да святятся и светят мне в ночи!

● ● ●
Наклони мне вишнёвую ветку,
Или сердце моё упадёт.
Станет деревом в этом саду,
Самым тихим, совсем незаметным.
И тогда-то я вдоволь наплачусь,
И себя, и тебя полюблю.
Наклони мне вишнёвую ветку,
Лишь об этом, рыдая, молю.

● ● ●
Свеча горит необъяснимо—
То вспыхнет, то едва-едва.
Едва-едва и мимо-мимо
Кружатся вялые слова.
Терпенья тихая отвага
Отмоет слово дочиста.
И жизни белая бумага
Заговорит уста в уста.

Июньская ночь

Ночной асфальт—светящаяся повесть
Твоих шагов. Стезёю мостовых
Ты появляешься, в тенях лиловых кроясь,
И исчезаешь в двориках сквозных.
Шумят деревья. Как шумят деревья!
Я—дерево, шумящее в ночи.
И медленно войду в его напев я
Себе навстречу, в шорох слов ничьих.
Я знаю, что в ночных прекрасных лицах
Есть страсть и жажда—крепче мир обнять,
Всего коснуться, и во всех влюбиться,
И с болью, сладко снова потерять.

● ● ●
В ожидании тёплой погоды
И в предчувствии рук дорогих
Мы сидим, как чужие народы,
И дрожим на насестах своих.
Ястреб-выбор и Коршун-случайность,
Цап-царапыч и Лис-берегись...
Как в курятнике нашем печально.
Смотрим вниз, смотрим вниз, смотрим вниз.
Наше мясо стареет, а перья
При ходьбе начинают мешать.
Азиатскую суперимперию
Никому не дадим обижать.

После боя

Хорошо они роют окопы.
И сидел бы на дне. И сидел.
Ни руки не поднять мне, ни жопы.
Всё бы в полосу неба глядел.

От работы такой кони дохнут.
Закурить бы... Эй, дай закурить...
Да, я видел, как ты его грохнул...
Ты поблуй... Только дай закурить.